

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В15

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

В книге использованы рисунки автора —
Ринат Валиуллин

Художественное оформление серии —
Екатерина Ферез

Валиуллин, Ринат Рифович.

В15 d'Рим : [роман] / Ринат Валиуллин. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Антология
любви).

ISBN 978-5-17-113867-7

«Все дороги ведут в Рим». Что это? Город-мечта или город-сон?.. Как с ним связаны самые громкие убийства XX века? И что страшнее — преступление или последующее за ним наказание — стать самым обычным человеком, погрязнуть в трясине быта, без права на мечту? Но чем ярче мечта, тем проще нажать на курок. Тем ближе Рим. Именно Рим вечным стечением обстоятельств открыл героине романа глаза на свое истинное предназначение.

Всякий раз, оказываясь в Риме, она приближалась к своей мечте настолько, что казалось, протяни руку — и достанешь. Но с мечтами никогда не было так просто, а с женскими — тем более. И вот она уже снова вглядывалась вдаль, высматривая в оптический прицел новую жертву, спрашивая себя постоянно: «И почему для достижения мечты мне приходится заниматься бог знает чем?»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113867-7

© Валиуллин Р., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Жизнь — это привязанность души
к телу.*

НОРМА

— Ты же красивая баба. Почему ты одна? Нашла бы себе нормального мужика. Хотя что я говорю, что будет делать красивая баба с нормальным мужиком? Красивой нужен ненормальный, чтобы то закидывал на небеса, то забывал поймать.

— У меня уже есть один, ненормальный. Я же тебе рассказывала.

— Этот твой норвежец из Осло — все равно что нету, — вернулась на балкон Норма. Она села за столик, вытянула ноги и заправила халат, под которым, как обычно, больше не было никаких лишних тканей. — Зачем он тебе? Вот уж точно ненормальный, этот твой Эйнар. Как можно было воровать деньги у своей невесты? Смотри, он и тебя может обворовать, на чувства. А впрочем, возможно, именно этого иногда и не хватает, — сделала глоток своего любимого апельсинового сока Норма.

«Сейчас бы Манхэттен». Запах ржаного виски влетел в ее мысли (60 мл), сладкий вермут (30 мл) разлежся на языке вместе с вишенкой. Две-три капли Биттер Ангостуры стекли слезой. Норма наизусть знала этот рецепт.

— Ты права. Черное и белое.

— Не понимаю, что ты в нем нашла? — наблюдала Норма за тем, как солнце касается верхушек деревьев, теряя ватты.

— Как тебе объяснить? Он — мой самоучитель, как ни взгляну, все время напоминание, что я — женщина.

— Ты сумасшедшая.

— Нет, я чокнутая, когда дело касается чувств.

— У тебя с ним серьезно? — сделала еще глоток Норма.

— Нет, конечно. Уже лет пять как несерьезно.

— Это правильно. Женщине не стоит быть слишком серьезной, серьезность сушит кожу.

— Вот почему ты решила вдруг мне позвонить? Ты стала серьезнее?

— А кому еще звонить перед смертью? Это я так шучу по-дурацки, — сделала рокировку ног под столом Норма.

— Вижу, ты без настроения.

— Без. Что делать, когда настроение испорчено?

— Сиди ремонтируй, — рассмеялась раскатисто в трубку Элла. — Мне казалось, у тебя все отлично. По крайней мере, когда я услышала твою новую песню. Это было очень чувственно.

— Чувственно?

— Нет, не чувственно, сексуально.

— Значит, ты слышала эту песню?

— Точнее сказать, сначала услышала, потом увидела.

— Ты видела? — сделала еще один глоток нектара Норма. — Если бы ты знала, как на тот момент я была разбавлена водкой и шампанским, чтобы не волноваться! «Гораздо сильнее, чем сейчас».

— И ножки что надо для Мэдисон Гарден, жаль, что платье не взволновалось, как в «Зуде седьмого года»^{*}.

^{*} Американский фильм (1955), иногда переводится как «Семь лет желаний». В главной роли — Мэрилин Монро. Фильм содержит знаменитый эпизод, когда поток воздуха из решётки вентиляционной системы Нью-Йоркского метро раздувает юбку белого платья героини (прим. ред.).

— Рассуждаешь, как мужик. А платье от Жан-Луи, — накинула Норма полу халата — занавес — на оголившуюся ногу, которая время от времени сползала вниз, как только Норма выходила в свет, на сцену.

— Я не рассуждаю, я впечатлена.

— Платье от Жан-Луи.

— Такое же потрясающее, как и поздравление. Это было поздравление всей стране, ты поцеловала государство прямо в губы. Все увидели, как замешкался президент, как покраснел. До сих пор не пойму, почему он не дал тебе закончить?

«Он боялся, что я ляпну что-нибудь лишнее», — проглотила свою мысль Норма. — Он волновался, как ребенок на утреннике.

«Ребенок, у меня же мог быть ребенок, я могла бы его сейчас любить. Он бы мог быть частью меня, самой лучшей частью меня. Но его нет, он был, но его не стало, его выскоблили из меня, как и многих других, как любовь. Мужчины по частицам выскоблили всю мою душу».

Все ее мужчины, как в прощальной церемонии вдруг выстроились в шеренгу пе-

ред ней. И первым был Джо — бейсболист, затем — Джон-президент... Взгляд остановился на Артуре...

— Ты же знаешь, для чего мне мужчины. Я очень хочу ребенка. Но после того ужасного дня, когда я случайно открыла дневник Артура... «Мне кажется, что она маленький ребенок, я ее ненавижу!» — что-то во мне перевернулось, наверное, мой ребенок. Может быть, поэтому беременность оказалась внематочной, — грустно пошутила «Мэрилин».

— Да, ладно тебе, Артур уже в прошлом, где-то на первых этажах. Наслаждайся видами сверху. Может, встретимся, кофейку выпьем?

— Кофе — это хорошо. Моя жизнь началась с кофе. Вот как только кофе попробовала, так и начала жить, по-настоящему жить, то есть вкус к жизни пришел именно с кофе, уже потом все остальное, помада, поцелуи, чувства и сушняк. С кофе началась, кофе и закончится.

— Нет, что-то с тобой не то. Кофе не пойдет, лучше шампанское. Выпьешь бокал хорошего вина, глядишь — потянулись про-

блемы к выходу. Выпьешь второй — вышли все. Подозреваю, что сегодня жизнь у тебя началась с шампанского.

— Во втором ты права, но если перейти на шампанское, то не захочется умирать совсем. Я так боюсь бессмертия!

— Все боятся смерти, а ты бессмертия. Ты что, сменила психотерапевта? Дай мне его номер, мне нравится твой оптимизм.

— Да нет же, я говорю о том, что после кофе меня начнут разбирать по частям — кому грудь, кому губы, кому глаза, кому платье, кому-то фото вместо иконы. Безбожники. Меня растащат, как хорошую книгу на цитаты. Нет, плохую. Ничего не останется. Одни разрозненные мысли и воспоминания тех, кто хоть как-то ко мне прикасался, а теперь будут лапать. Понимаешь?

— Понимаю. Ну, а кто виноват? Нечего было юбку задирать, — рассмеялась Элла.

* * *

В это время из окна соседнего дома за красивой женщиной, которая болтала по телефону на балконе, то и дело потягивая из бокала алкогольное удовольствие, в оптический прицел наблюдала Анна. Анна держала

ее на мушке и ждала, пока та покинет балкон.

Вот уже месяц она следила за личной жизнью Нормы. Ей не хотелось знать лишнего о своей жертве, но так или иначе приходилось, хотя по инструкции это было запрещено. Вот и сейчас Анна листала ее жизнь, читая по губам. На первый взгляд журнал ей казался неинтересным, глянец. Однако внутри него происходило что-то странное, непонятное, слишком много было неясных пятен, в которых не хотелось разбираться. Анна была продолжением своего прицела и ничего не чувствовала. Чужая жизнь для нее была оптической иллюзией, смерть — ее материализацией. Единственное, что сейчас беспокоило Анну, это стремительно наступающая темнота. Ей хотелось быстрее завершить дела и лететь к своей мечте, в Рим. Она обожала его всем сердцем. Рим служил Анне путеводной звездой в ее непутевой жизни.

Рим. ТИРАМИСУ

— Вам какой кофе? Или покрепче?

— Мы еще не так близко знакомы.

— Давайте знакомиться. Я — Борис, — заказал два кофе художник, когда мы вошли в небольшое кафе.

— Я — Анна, а вы...

— Нет, не итальянец, я из России, — не дал мне договорить Борис.

— А сюда как попали? — мы сели за уютный столик, друг напротив друга.

— Ну, как и все попадают. Только с той стороны границы это звучит как «попал», со знаком «минус», а с этой — со знаком «плюс». Меня выслали. Сначала во Францию, а потом я перебрался в Италию.

— За что вас так?

— В вердикте суда было сказано: за искажение советской действительности.

— Звучит весело.

— Тогда мне было не до смеха. Хотя где-то внутри себя я понимал, что это — конец, это прорыв железного занавеса. Конечно, это была большая удача, счастливый билет в новую жизнь. Реалисту нереально повезло, реалист попал в новую нереальную жизнь. Почему нереальную? Потому что она не идет ни в какое сравнение с той, что я видел из своего окна, — посмотрел серьезно на Анну Борис. — А вы кем работаете?

— Я дизайнер.

— Домохозяйка?

— В смысле?

— Сейчас каждая домохозяйка дизайнер. Извините, я не хотел вас обидеть.

— Можете хотеть, но обижать не надо, — улыбнулась я. — Я дизайнер общества.

— Интересно.

— Не то слово.

— Дизайнер ведь делает жизнь более удобной, устраняет ее недостатки. Значит, вы убираете лишних людей? — рассмеялся художник.

Анна замолкла после этих слов. Потом, усмехнувшись, ответила:

— Какой вы категоричный. Я же не уборщица, я дизайнер, просто ставлю лю-